

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

I. KARAYANNOPOULOS. DAS FINANZWESSEN DES FRÜHBYZANTINISCHEN STAATES

München, 1958

(Südosteuropäische Arbeiten, № 52), XXXII+308 S.

Перед нами — солидное исследование греческого византиниста И. Караяннопулоса, ученика Ф. Дэльгера, представителя мюнхенской школы византиноведения, группирующей вокруг журнала «Byzantinische Zeitschrift».

Имя Караяннопулоса хорошо знакомо византинистам по ряду статей и рецензий, появившихся в последнее десятилетие. И. Караяннопулос изучает внутреннюю историю ранней Византии, специализируясь по вопросам организации финансового дела, которому и посвящен данный труд.

Исследование начинается кратким предисловием, где правильно отмечено, что византинисты сравнительно мало обращали внимание на генезис Византии, концентрируя свое внимание лишь на особенностях ее развития. Однако цель автора — отнюдь не изучение генезиса Византии. И. Караяннопулос заявляет, что, работая над своей темой, он «переживал драму той эпохи», когда, несмотря на колоссальные трудности, «люди, которые делали историю», спасали государство от внешних врагов и «искренно и упорно прилагали усилия, чтобы их правление было ко благу их подданных».

Караяннопулос стремится опровергнуть установившееся мнение, что ранневизантийская империя (IV—VI вв.) являлась эпохой беспощадного угнетения подданных. Это была, по выражению автора, эпоха превращения города-государства в великую державу в современном значении этого понятия. Идеологическая установка И. Караяннопулоса ясна: реабилитация государственного строя ранней Византии. Столь же очевидна и методологическая основа его труда; по его мнению, исторический процесс зависит от правителей государства, причем государство — надклассовая организация, признанная управлять для блага подданных. Работа Караяннопулоса, написанная с позиций идеалистической историографии, носит боевой, наступательный характер. Она представляет тем больший интерес, что автор основывается на большом количестве источников, рассматривает конкретные положения исследователей финансовой системы ранней Византии, подвергает тщательному анализу всю терминологию, касающуюся налогового обложения.

Список использованной литературы внушительен (около 300 названий), однако исследования на русском языке автором почти не учтены. Понятно, что нет в списке и трудов Ф. Энгельса, посвященных общественному строю Позднеримской империи. Странно, что автор, ставящий

себе целью бороться с воззрениями эпохи Просвещения (стр. XI), не использовал ни Монтескье, ни Гиббона; очевидно, принцип *audiat et altera pars* исследователем не признается.

Исходя из взгляда на государство как на орган защиты граждан, Караяннопулос начинает исследование податной системы Византии с характеристики внешней опасности. Он перечисляет расходы на защиту границ империи, на восстановление разрушенных варварами городов, выкуп пленных, вынужденный подкуп варварских вождей. Кроме военных расходов, автор отмечает затраты на помощь пострадавшему от стихийных бедствий (землетрясения, эпидемии, голод) населению, на борьбу против узурпаторов. Этим Караяннопулос пытается объяснить тяжесть налогов в IV — VI вв.

Разумеется, постоянные нападения варваров на Византию требовали громадных средств на оборону. Но следует напомнить, что современники видели главную причину тяжести налогов не в этом. Приведем свидетельство Приска (середина V в.): «Доходы и царская казна были истощены не на полезные дела, а на непристойные зрелища, на безрассудную пышность, на забавы и на другие издержки, от которых благоразумный человек и среди счастливейшего состояния государства должен удерживаться» (Priskos, fr. 5). Мысль о том, что налоги являются одной из форм эксплуатации трудящихся, совершенно чужда Караяннопулосу.

Кроме «внешнего врага», на состояние финансовой системы Византии, согласно Караяннопулосу, оказывал влияние и «внутренний враг». Кого же имеет в виду автор под «внутренним врагом»? Оказывается, это — крупные землевладельцы. Именно этот «враг» приводит в беспорядок всю государственную финансовую систему. Караяннопулос объясняет это так: Византия получила в наследство от Римской империи крупные латифундии, которые имели тенденцию к росту, так как покупка земли в то время была единственным способом выгодного вложения капиталов. Рост крупной земельной собственности за счет мелкого землевладения нарушал, однако, социальные порядки империи и приводил в расстройство финансовую систему. Население, попадая под патронии крупного землевладельца, теряло всякую связь с государством.

Византийское правительство действительно вело борьбу против патронии. Однако автор не пишет, что наряду с запрещениями дальнейшего распространения патронии в законодательстве имелись и статьи, легализующие патронии как институт.

Усиление частной власти крупных землевладельцев над населением, по Караяннопулосу, было подлинным бедствием. И если дело не дошло до полного развала империи, то только потому, что во главе Византии стояли «такие решительные лица», как Юстиниан, которые осознавали опасность и умели наносить тяжелые удары крупному землевладению. К сожалению, автор не аргументирует своего положения. В действительности же крупное землевладение не получило такого серьезного удара от мероприятий Юстиниана.

Караяннопулос считает, что мероприятия Юстиниана были правильно рассчитаны, но «трагедия» Юстиниана состояла будто бы в том, что он вел борьбу против крупного землевладения при помощи государственного аппарата, в недрах которого засел другой грозный «внутренний враг» — коррупция. И все же Караяннопулос приходит к выводу, что ранневизантийское государство сумело в основном, несмотря на тяжелые обстоятельства, справиться с трудностями, создало «жизнеспособную систему, которая была факелом цивилизации и представляла собой европейскую культуру».

Исследование самой системы налогового обложения начинается с выявления основных принципов финансовой системы империи. По Караяннопулосу, ранневизантийская «теория» налога вытекала из представления о сущности императорской власти. Император, ставленник бога, обязан думать об общественном благе и поэтому имеет право облагать население налогами, заботясь при этом, чтобы население было не слишком обременено. Разумеется, это демагогические фразы, однако исследователем они принимаются за действительную основу налоговой системы. Автору следовало бы привести и другую «теорию» налога, которая значительно чаще встречается в источниках как светских, так и церковных — теорию, сводящую взимание налогов к грабежу народа, к проявлению «алчности» императоров и их окружения. Люди IV—VI вв., очевидно, лучше понимали классовую сущность налоговой системы, чем ученый-византист XX в.

Основным принципом налоговой политики в ранней Византии Караяннопулос считает *справедливость*, которая, по его мнению, заключалась в соблюдении начала всеобщности обложения. В качестве доводов приводятся факты, такие как запреты освобождать кого бы то ни было от налогов (даже императорские земли должны были платить налоги!). Автор цитирует громкие фразы кодексов вроде: «Привилегии немногим — гибель для многих!», принимает их за подлинную основу политики. Но тут же он должен признать, что, несмотря на такую политику, императоры часто освобождали отдельные категории лиц от внесения налогов.

Справедливость налогового обложения, по мнению исследователя, состояла и в том, что «каждый платил соразмерно своему состоянию». Караяннопулос восхищается, с какою точностью и последовательностью проводился этот принцип обложения. Для аргументации снова приводятся такие демагогические высказывания Константина I, как, например: «Интересы частных лиц мне дороже интересов фиска!» Ссылаясь на статьи конституций Константина из Кодекса Феодосия (Cod. Theod., 11, 16, 4 от 328 г.), Караяннопулос уверяет, что тяжесть налогового обложения в первую очередь падала на богатых. И в данном случае демагогические фразы принимаются исследователем всерьез. Правда, Караяннопулос делает некоторые оговорки: он приводит факты, свидетельствующие о том, как стремления к «справедливости» приводили к обратному результату.

Переходя к анализу *capitatio-iugatio*, Караяннопулос рассматривает историю вопроса, однако русская литература по-прежнему не используется: исследования Ю. Кулаковского, Б. Панченко, М. В. Левченко неизвестны Караяннопулосу. Точка зрения автора основана на его положении о «справедливости» как основном принципе обложения. *Iugum*, по Караяннопулосу, всегда обозначает оценку доходности земли. Термин *caput* употребляется как выражение оценки находящейся в собственности налогоплательщика рабочей силы (человека или животного), земли, а также запасов фуража и кормов. В определении *capitatio-iugatio* Караяннопулос примыкает к взглядам Ботта. *Capitatio* понимается им не столько как вид налога, сколько как наименование системы обложения, причем при *capitatio terrena* налог падал на землевладельца, при *capitatio humana* господин вносил налог за зависимое население, а *capitatio plebeia* — это обложение свободного населения, не владеющего земельными участками.

Характерна оценка Караяннопулосом Диоклетиановой системы обложения в целом. До сего времени считалось (особенно в свете исследования Зеека), что основная тяжесть системы, введенной Диоклетианом, ложилась на несостоятельные прослойки населения. Караяннопулос

считает это неправильным. По его мнению, система, построенная по принципу пропорционального обложения, для того времени была совершенно справедливой. Было бы нелепым, считает Караяннопулос, требовать от деятелей IV в. применения принципов прогрессивного обложения, созданного лишь в новейшее время. Но действительно ли на практике строго проводился принцип пропорционального обложения, не находились ли более бедные слои населения в более тяжелых условиях — автор не ставит этого вопроса. Тенденция Караяннопулоса ясна: он стремится отмежеваться от тех положений ученых XIX в., которые кажутся ему неприемлемыми для его концепции, оправдывающей гнет, существовавший в Позднеримской империи.

Некоторые частные наблюдения Караяннопулоса могут представлять известный интерес. Такова, например, попытка восстановить тип катастрофической записи на основании сохранившихся остатков надписей. Караяннопулос делит катастры на два типа — первичные и вторичные, анализирует метод составления катастров, определяет терминологию и функции разных должностных лиц. Затем Караяннопулос переходит к анализу компетенции отдельных финансовых учреждений империи (основываясь на *Notitia dignitatum* и следуя за Зееком).

Говоря о *comitiva sacrarum largitionum*, Караяннопулос подробно перечисляет все источники дохода императорской казны. Направление расходов почти не интересует автора — упоминаются только затраты на содержание армии и новогодние подарки приближенным. Вопрос о целесообразности расходования государственных средств не подвергается анализу. Касаясь второго отдела императорской казны — *comitiva rerum, privatarum*, исследователь вовсе не выясняет целей выделения из императорской казны этого учреждения, ведавшего управлением императорскими поместьями, землями, конфискованными или оставшимися после смерти владельцев без завещаний, а также всеми жившими на этих землях колонатами, инквилинами, рабами. Невыясненным остается и направление расходования средств, получаемых этим учреждением. Совершенно непонятно, что подразумевает автор, говоря вскользь, что особой функцией данного учреждения было «общее наблюдение за земельной собственностью». Имея в виду *Cod. Just.*, 1, 55, 8, автор совсем не пытается раскрыть, в чем заключалась так называемая защита владельцев от дефенсоров, имевшая, несомненно, особый социальный и политический смысл.

Много места в книге занимает дискуссия о сущности организованной Анастасием I *comitiva sacri patrimonii*, а именно: являлось ли новое учреждение результатом выделения из казны частной собственности императора или же, наоборот (по Штейну), это было следствием включения в государственное управление тех земель, которые до этого времени были изъяты из его ведома. Караяннопулос присоединяется к первому мнению, полагая, что новое учреждение в сущности было не государственным, а дворцовым, что *comites patrimonii* был отнюдь не чиновником, а лицом придворного ведомства. Аргументацию Караяннопулоса можно считать убедительной — самостоятельное управление патримония сохранялось в течение всего VI в. Однако смысл выделения этого учреждения остается у автора невыясненным.

Явно поверхностно автор разбирает вопрос об *arca praetoriana*, о местных средствах, которыми распоряжался префект претория. Фактически автором не раскрывается характер доходов префектуры. Как известно, должность префекта претория в дальнейшем исчезла, что Караяннопулос объясняет «милитаризацией Византии», однако было бы правильнее связать это с упадком городов в провинции, начиная с VII в.

Совершенно необъяснимый пробел в работе Караяннопулоса — отсутствие раздела о городских финансах. Между тем этот вопрос для историка финансового управления Византии является одним из важнейших. Нам кажется, что и исчезновение должности префекта претория, и передача функций префекта претория городскому эпарху в Константинополе приходится в связи с изменением положения городских финансов.

Спорный вопрос — была ли налоговая система основана на заранее определенной сумме налогов или же на сумме налоговых объектов обложения — разрешается автором недостаточно четко. Он полагает, что император назначал каждой префектуре определенную сумму, которая в дальнейшем распределялась по провинциям и городам в зависимости от объектов обложения. Тем не менее остается неясным, как при подобном распределении налогов отдельные местности могли распределять их в соответствии с общим числом объектов обложения.

Следующий раздел (стр. 92—183) посвящен выяснению характера отдельных видов налогов. Необходимо отметить тщательность изысканий автора в отношении терминологии. В основу прямых налогов автор помещает аннону, основанную на всеобщем поземельном налоге. Караяннопулос рекомендует считать *capitatio—iugatio* не поземельным, а подоходным налогом, поскольку в действительности учитывались все виды дохода налогоплательщика.

Ссылаясь на догадку Джонсона — Веста, Караяннопулос полагает, что часть обложения, падающая на *iuga*, выплачивалась натурой, обложение *capita* — золотом, поскольку встречается термин χρυσική. Все налоги автор делит на 1) прямые всеобщие, 2) сословные, 3) процентные надбавки в пользу чиновников. К первой группе он относит аннону (натуральный налог) — основу снабжения армии, государственного аппарата и городов (*annona militaris et civilis*).

Автор с полным основанием считает, что при относительной хозяйственной стабилизации империи начиная с V в. развивается тенденция к коммутации, к переводу натуральных взносов на денежные. Подробно останавливаясь на характеристике синоны, Караяннопулос отмечает тяжесть этого вида повинностей для населения, однако смягчает этот вывод указанием на периодические ограничения синоны императорами, а также на факт передачи местному купечеству права доставлять продукты с помощью нормальной торговли. К числу натуральных поставок Караяннопулос присоединяет и обязательство поставлять обмундирование для армии (*vestis collatio*), поставку коней (*equorum collatio*); он оттеняет важность последнего в связи с ростом значения кавалерии. Этот налог делается в IV в. всеобщим, от него не освобождаются даже навикулярии. В V в. этот налог был полностью переведен на деньги. Автор подробно характеризует *augum tironicum*, считая его денежным налогом, введенным вместо поставки рекрутов крупными землевладельцами. Наконец, в этом же разделе Караяннопулос повторяет положения, уже ранее опубликованные в статье относительно хрисотелии ¹.

К сословным налогам Караяннопулос относит в первую очередь налог на сенаторов. Он отмечает, что первоначально этот налог взимался со всех сенаторов, но в V в. начинают освобождать отдельных сенаторов от этого налога, а в середине V в. налог был отменен. Никакого объяснения этим фактам автор не дает. Хрисаргир Караяннопулос характеризует как налог на любой вид предпринимательства, причем называет его незначительным, совершенно игнорируя те источники, которые объявляют этот

¹ См. I. Karayannopoulos. Die Chrysoteleia der Juga. BZ, Bd. 49, 1956.

налог особенно разорительным для населения. Караяннопулос так пытается объяснить причину отмены хрисаргира Анастасием I: Константин I ввел его, чтобы иметь возможность давать армии *donativa*; когда же в V в. коммутация натуральных налогов приняла широкие размеры, потребность в этом налоге, который стеснял развитие торговли, отпала. Можно было бы согласиться с этим соображением, если учесть факт, который Караяннопулос вовсе не принимает в расчет, а именно, растущее сопротивление масс и размах народных движений при Анастасии. Отменой непопулярного налога Анастасий укрепил свое положение на троне.

Переходя к экстраординарным налогам, Караяннопулос признает их тяжесть для населения, но старается подчеркнуть, что правительство принимало все меры, чтобы мелкие люди не подвергались притеснениям со стороны *potiores*. Далее в труде перечисляются косвенные налоги, которые, по мнению Караяннопулоса, представляли собой основной доход государства. Он полагает даже, что именно освобождение иностранцев от этих налогов в конце XI в. и привело Византию к финансовому упадку.

Внутренние торговые пошлины за провоз товаров (*vectigalia*) сдавались в откуп с аукциона. Караяннопулос тщательно перечисляет мероприятия правительства против возможных злоупотреблений откупщиков. Затем автор останавливается на факте лишения городских общин их доходов от внутренних торговых пошлин, но тем не менее говорит о стремлении правительства оживить муниципальное хозяйство. Однако аргументация его сводится лишь к указанию на попытки императоров путем ограничения мобилизации земельной собственности куриалов задержать из фискальных соображений упадок этого отжившего сословия (стр. 158).

В число доходов государства Караяннопулос включает и взносы лиц, покупающих должность. Автор отмечает противоречивость политики императоров в отношении покупки должностей, но не объясняет причину этой противоречивости. По нашему мнению, этот вопрос заслуживает большего внимания, поскольку покупка должностей открывала горожанам доступ в ряды правящей знати. *Sportula*, незаконные поборы сборщиков налогов, Караяннопулос считает оплатой их расходов при выполнении обязанностей; эти поборы, по Караяннопулосу, никогда не запрещались, но только регулировались. Спор о том, были ли сборщики в это время чиновниками или горожанами, выполняющими общественные функции, не получает у Караяннопулоса однозначного решения. Он полагает, что одни из сборщиков были чиновниками, другие — куриалами (мы должны отметить, что возложение на частных лиц общественных обязанностей оставалось в практике Византии и в дальнейшем; именно таковы были функции трапезитов и вофров по «Книге эпарха»).

В разделе о судебных пошлинах Караяннопулос главным образом старается показать, что суд был доступен беднейшим слоям византийского общества, поскольку при мелких тяжбах никаких судебных пошлин не взыскивалось.

Очень кратко, словно мимоходом, останавливается Караяннопулос на повинностях населения, разделяя их на повинности, связанные с почетною должностью, и на повинности трудящихся низов; этот небольшой раздел не выходит за рамки обзора терминологии. Между тем *munera sordida* были тяжелыми неоплачиваемыми обязанностями, падавшими на беднейшие слои, и подробное исследование этих повинностей, освобождавших государство от многих затрат, шло бы вразрез с тенденцией Караяннопулоса идеализировать общественный строй в ранней Византии.

Вторая часть труда Караяннопулоса (стр. 183—273) посвящена основным принципам налоговой политики в ранней Византии. Как мы уже го-

ворили, основой налоговой политики, по Караяннопулосу, было стремление к справедливости и точности в определении объектов обложения. Но, как он утверждает, этот принцип вследствие усиления крупных землевладельцев центральные органы власти могли осуществлять лишь с большим трудом. При определении ставок налогов допускались всевозможные правонарушения. Караяннопулос старается привести все законодательные постановления, из которых можно было бы сделать вывод о заботе правительства о соблюдении справедливости и о мероприятиях по защите экономически слабых хозяйств. Он ссылается на запреты требовать доставки анноны на слишком далекое расстояние, чтобы эта доставка не нарушала сельскохозяйственных работ земледельцев, на запреты сборщикам налогов брать в залог рабов и рабочий скот, на постановления о возврате налогооплательщикам неправильно взысканных сумм. Автор всерьез принимает за действительность апологию Евсевия и панегирик Либания и подробно говорит о снятии налогов с опустошенных местностей, об отсрочках взносов налогов на два — четыре месяца, о разрешении вносить налоги в три срока, о снятии недоимок.

Все это, если верить Караяннопулосу, свидетельствует, что правительство в налоговой политике имело в виду не интересы фиска, а благосостояние населения и справедливость. Караяннопулос совершенно не желает понять, что подобные мероприятия проводились в основном в интересах крупного землевладения. Достаточно прочитать 163-ю новеллу Юстиниана, где прямо говорится, что причиной снятия недоимок с земледельцев было их обнищание, в результате которого они не могли ни вносить налоги, ни платить своим господам (крупным землевладельцам).

Много места в рецензируемой книге уделено вопросу об освобождении от налогов. Общим правилом, по Караяннопулосу, являлось требование всеобщности обложения. Отдельные факты освобождения от налогов вызывались политическими причинами: освобождались близкие к власти лица, а при победе противоположной группировки подобные освобождения аннулировались. Караяннопулос считает значение таких освобождений ничтожным. К другому разряду (освобождения по экономическим причинам) Караяннопулос относит льготы городам, пострадавшим от стихийных бедствий и набегов варваров. На особое место он помещает льготы семействам ветеранов; он говорит даже о создании «класса» ветеранов, имевших особые налоговые привилегии. Караяннопулос смешивает класс с сословной прослойкой мелких землевладельцев ², которых действительно поддерживало ранневизантийское правительство в целях сохранения военной мощи государства.

Под социальными причинами освобождения от налогов автор понимает те льготы, которые даются таким прослойкам населения, от которых государство получает «особые выгоды»: семьям ветеранов, финансовым чиновникам, навикуляриям, отдельным профессиям, например грамматикам, врачам, профессорами философии. Налоговые льготы церкви и клирикам, по Караяннопулосу, объясняются тем, что церковь на свои средства выполняла важную государственную функцию социального обеспечения (организации домов призрения, госпиталей и т. п.). Нужно согласиться с Караяннопулосом: действительно, та задача подкармливания городской бедноты, которая выполнялась прежде государством и верхушкой куриалов, перешла частично к церкви.

---

² Можно признать правильным вывод Караяннопулоса о том, что в ранней Византии наряду с поглощением крупными магнатами мелкой земельной собственности наблюдается процесс укрепления свободного мелкого землевладения (стр. 199)

Для иллюстрации забот правительства о населении Караяннопулос приводит данные о снабжении городов продовольствием (*σιγα ἀποποαε*) и отмечает, что *σιγα ἀποποαε* не была фискальным мероприятием, поскольку продукты продавались по крайне низким ценам. Караяннопулос останавливается также на выдаче *ἀρτι πολιτικοί* и считает, что хлеб по пониженным ценам продавался определенным группам столичного населения. Подлинной заботой о населении Караяннопулос считает и регулирование рыночных цен, которое будто бы имело целью поддержать предприятия частных ремесленников и защитить потребителя от притязаний купцов. Безусловно, подобные мероприятия имели место в Ранневизантийской империи, однако они вызывались к жизни только давлением масс, которые отвечали на голод и хозяйственные затруднения опасными для правительства выступлениями и восстаниями. Правительство стремилось найти социальную опору в городском населении, и этим-то объясняются некоторые вынужденные «заботы» о населении.

Доказывая, что политика Ранневизантийского государства проводилась в интересах простого народа, автор снова и снова говорит о мероприятиях против взяточников, против насилий со стороны чиновников и крупных землевладельцев. Но лишь улыбку вызывает утверждение Караяннопулоса, что запрет взыскивать по воскресеньям налоговую задолженность доказывает отсутствие фискальных интересов (стр. 230).

Очень поверхностно рассмотрены Караяннопулосом государственные монополии. Наиболее важной из них он признает соляную, но добавляет, что в отдельных случаях имелись и частные солеварни. Это — единственная монополия, которая приобрела фискальный характер. Остальные виды монополий либо определялись политическими задачами (изготовление пурпурных тканей), либо являлись мероприятиями против иностранной конкуренции (производство и торговля шелком).

Подробно останавливается Караяннопулос на вопросе об эпиболэ, коллективной ответственности при взносе налогов. Он признает наличие двух видов эпиболэ — с передачей и без передачи брошенной земли. Караяннопулос считает, что коллективная ответственность была в интересах мелкого землевладения, поскольку путем коллективной выплаты налогов можно было спасти от перехода в руки крупных землевладельцев те участки земли, которые временно не обрабатывались крестьянами. Но в целях обработки пустующих земель передавались земли и в собственность при условии уплаты налогов (часто с льготами), и этим пользовались крупные землевладельцы. Караяннопулос считает, что нужно полностью отказаться от тех положений об эпиболэ, которые стали традиционными в результате доверия к показаниям Прокопия в «Тайной истории», т. е. отказать от представлений о тяжести для населения этого налога. Автор старается создать впечатление о благодетельности этого налога для византийской крестьянской общины. Противопоставление эпиболэ *ἐπιβολή* и *ὁμοθυμαδόν* препятствовало, по мнению Караяннопулоса, проникновению знати в крестьянскую общину и захвату ее земель. Однако совершенно ясно, что не особая форма коллективной ответственности при уплате налогов, а обычное право и внутренняя сплоченность связывали общинников.

Труд Караяннопулоса заканчивается несколько неожиданной главой о морали налогоплательщиков. Оказывается, злоупотребления имели место не только со стороны сборщиков налогов — нечестными были и налогоплательщики, которые прибегали ко всякого рода обманам, чтобы не платить налогов. Константин I безуспешно боролся против обмана и хитрости налогоплательщиков. Строгость и беспощадное законодатель-

ство относительно сбора налогов являлись, по Караяннопулосу, естественным следствием моральных пороков налогоплательщиков.

Караяннопулос задает напрашивающийся вопрос: если действительно налоговая система в Византии была разумна, справедлива, то почему в источниках зафиксирована масса жалоб на ужасы этой системы? И Караяннопулос отвечает: человеческая натура гнусна; люди всегда критикуют существующее положение вещей; любое мероприятие можно очернить из политических соображений и т. д. Караяннопулосу не приходит в голову мысль о том, что между идеалом законодателя и реальной действительностью имеется большое расхождение, которое историк должен учитывать и раскрывать. Караяннопулос этого не сделал, и потому его труд превратился в сплошную апологию финансовой системы Византии.

Караяннопулос выступает против историков (в том числе Штейна и Ростовцева), которые говорили о разложении и упадке Византии в IV—VI вв. По его мнению, это был период политического и культурного подъема, который, однако, требовал тяжелых жертв от населения.

В заключение Караяннопулос приводит фразу Хейхельгейма о том, что только государство с сильной властью, регулирующее всю жизнь страны, могло спасти для будущего сокровища античной культуры. Всякое более свободное государство погибло бы. В этих словах восхваление тоталитарного государства проглядывает явственно.

Общая тенденция книги Караяннопулоса политически реакционна. Однако книга имеет и ценную сторону — детальный анализ терминологии финансового дела, критический разбор различных теорий западной историографии, касающихся финансовой системы ранней Византии. Можно найти много полезных справок у Караяннопулоса, но следует полностью отбросить его попытки убедить читателей во внеклассовой сущности Ранневизантийского государства и в благодетельности для населения Византии налоговой системы V—VI вв.

М. Я. Сюзюмов

A. J. FESTUGIÈRE. ANTIOCHE PAÏENNE ET CHRETIENNE. LIBANIUS, CHRYSOSTOME ET LES MOINES DE SYRIE

Avec un commentaire archéologique sur l'Antiochos par Rol. Martin. Paris, 1959

(обзор глав археологического содержания)

Новая работа видного представителя официозной французской науки сопровождается переводом писем и девяти речей Либания, жития Симеона Столпника из *Historia Religiosa* Феодорита Киррского, подробным изложением других жизнеописаний Симеона (сирийского и греческого, составленного монахом Антонием), а также высказываний Иоанна Златоуста, относящихся к сирийским монастырям; монография в основном базируется на этих материалах. Таким образом, книга относится к истории идеологии IV—V вв., в частности, к истории христианского культа.

Автор использует лишь очень немногие современные труды, оправдываясь тем, что «человек, посвятивший себя глубокому изучению древних авторов, из-за краткости жизни не может всего прочесть» (стр. 17). Но проводится этот принцип односторонне. Так, уделяя большое внимание родственным связям учеников Либания и видных деятелей сирийского монашества, автор широко использует (и вместе с тем дополняет) просопографический труд Пети об учениках Либания, появившийся в 1957 г. Вместе